

ПОНЯТИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ЦЕННОСТНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА XIX–XX ВЕКОВ

П. С. Жданов

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Поступила в редакцию 25 декабря 2024 г.

Аннотация: описывается практика использования понятия правосознания в отечественном теоретико-правовом дискурсе последней трети XIX – первой трети XX в. Различные подходы к определению значения термина «правосознание» рассматриваются в контексте теоретических и ценностно-идеологических установок их авторов. Отмечается, что широкое распространение указанного понятия в российской теории права на рубеже XIX–XX вв. было связано с развитием представлений о праве как о социальном явлении, зарождение и развитие которого реализуется в первую очередь на уровне психики членов общества. Затрагивается вопрос о признании революционного правосознания источником права в первые годы установления советской власти.

Ключевые слова: правосознание, правовой дискурс, интуитивное право, идеология, социологическая школа права, правовая психология.

THE CONCEPT OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE VALUE-IDEOLOGICAL CONTEXT OF THE RUSSIAN THEORY OF LAW OF THE XIX–XX CENTURIES

P. S. Zhdanov

Nizhni Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

Abstract: the article describes the practice of using the concept of legal consciousness in the Russian theoretical and legal discourse of the last third of the 19th century – the first third of the 20th century. Various approaches to defining the meaning of the term "legal consciousness" are considered in the context of the theoretical and value-ideological attitudes of their authors. It is noted that the widespread use of this concept in the Russian theory of law at the turn of the 19th–20th centuries was associated with the development of ideas about law as a social phenomenon, the origin and development of which is realized primarily at the level of the psyche of members of society. The issue of recognizing the revolutionary legal consciousness as a source of law in the early years of the establishment of Soviet state is raised.

Key words: legal consciousness, legal discourse, intuitive law, ideology, sociological school of law, legal psychology.

«Слова, выражения, предложения и т.д. получают смысл от дискурсной формации, в которой они производятся», – пишет М. Пешё¹. Именно дискурсная формация определяет «то, что может и что должно быть сказано (в виде публичного выступления, проповеди, памфлета, доклада, программы и т.п.)»². Значения слов обусловлены способом их употребления в конкретных дискурсивных практиках, а также историческим контекстом. Это же относится и к научным терминам. При этом научный дискурс не просто отражает некую «объективную реальность» посредством вербальной фиксации явлений: скорее, он создает саму «реальность». М. Фуко рассматривает дискурсы как практики, «систематически формирующие те объекты, о которых они говорят»³. Конкретное значение, которое приобретают слова, задействованные в системе дискурса, задает контуры указанных объектов.

Если в свете вышесказанного мы рассмотрим, каким образом в разных исторических условиях в правовом дискурсе задействовались, на первый взгляд, одни и те же понятия, мы сможем не просто выявить их семантические изменения, но и составить представление о трансформации юридического мышления и идеологических установок субъектов, которые их использовали. Увидев, какое значение приобретали те или иные категории в конкретной системе дискурса, мы получим возможность судить и о том, как в восприятии индивидов по-разному складывался образ правовой реальности.

В качестве предмета рассмотрения мы возьмем понятие «правосознание» и его смысловые вариации в российском правовом дискурсе. Это один из тех юридических терминов, который служит для описания связей, характеризующих право в его ценностно-мировоззренческих, психологических аспектах. Соответственно, изменения в трактовке этого понятия наглядно показывают, как в конкретно-историческом правовом дискурсе выстраивались представления его субъектов о социальной роли права. Отметим, что формат доклада ограничивает исследование лишь выборочным описанием наиболее важных теоретико-правовых текстов. С другой стороны, чтобы высветить семантические особенности понятия правосознания в указанных текстах, нам необходимо будет обращаться и к сходным по значению понятиям (например, «правовые убеждения» или «интуитивное право»). При этом мы ограничимся пе-

¹ Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 265.

² Там же. С. 265.

³ Фуко М. Археология знания. СПб., 2012. С. 110.

риодом, когда это понятие активно завоевывало позиции в отечественной теории права, т.е. последней третью XIX и первой третью XX в.

По-видимому, понятие правосознания получило распространение в отечественном правовом дискурсе в 70–80-е гг. XIX в. В работе С. А. Муромцева «Определение и основное разделение права» (1879) оно не встречается. При этом ученый, признавая, что кроме юридических норм существуют и иные факторы правового порядка, в числе таковых упоминает «юридическое настроение органов и лиц, через деятельность которых норма должна осуществиться»⁴, а также «справедливость» – «присущую в данное время данной общественной среде совокупность субъективных представлений о наиболее совершенном правовом порядке»⁵. С другой стороны, в «Лекциях по общей теории права» Н. М. Коркунова, впервые опубликованных в 1886 г., понятие правосознания используется уже достаточно широко.

Следует отметить, что вопрос о правосознании возник в российской юриспруденции этого периода, прежде всего, в связи с развитием социологического направления в теории права. Исследование права как социального явления затрагивало в том числе и проблему его общественно-психологических истоков. При этом понятийный аппарат, посредством которого описывались процессы зарождения и развития права в недрах общества, во многом определялся влиянием немецкой юриспруденции.

В первую очередь в связи с этим следует указать на работы классиков немецкой исторической школы права. В понимании Фридриха Карла фон Савиньи, источником, порождающим право, выступают «общие убеждения» [*gemeinsame Ueberzeugung* (нем.)] народа, в которых отражается его индивидуальный характер⁶. Именно так характеризуется возникновение права в его знаменитой статье «О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции» (1814). В более поздней работе – «Система современного римского права» (1840) – Савиньи использует понятие «*Rechtsbewusstsein*», которое на русский язык может быть переведено как «правосознание»⁷.

В часто цитируемых на рубеже веков работах Рудольфа фон Иеринга на первый план выходит понятие «*Rechtsgefühl*» – «правовое чувство». Ученый считает, что термин «правосознание» подразумевает излишнюю рационализацию отношения народа к праву, и утверждает, что «правовое сознание, правовое убеждение суть отвлеченности науки, которых не

⁴ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. СПб., 2004. С. 142.

⁵ Там же. С. 146.

⁶ См.: Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. М., 2011. Т. 1. С. 132.

⁷ См., напр., фрагменты из работ Савиньи, приводимые П. И. Новгородцевым: Немецкая историческая школа права. Челябинск, 2010. С. 97.

знает народ, – сила права лежит в чувстве, точно так же, как сила любви»⁸. Именно «*Rechtsgefühl*» составляет основную движущую силу «борьбы за право». Оно же, наряду с юстицией, составляет гарантию подчинения государственной власти праву⁹. Примечательно, что в русскоязычном издании работы «Цель в праве» (80-е гг. XIX в.) слово «*Rechtsgefühl*» переводчик передает как «правосознание»¹⁰.

Как уже отмечалось, понятие правосознания было усвоено в первую очередь российскими юристами социологического направления. В частности, в упомянутых «Лекциях по общей теории права» Н. М. Коркунов называет *субъективное (индивидуальное)* правосознание «основой всего права»¹¹. Субъективное сознание «является как бы фокусом, в котором сосредоточивается действие всех факторов правообразования»¹². Внешние формы существования права в обществе – обычаи, судебная практика и законы – выступают продуктами постепенного «объективирования» субъективного правосознания¹³. При этом более или менее стабильным «нормам положительного права противопоставляется свободно развивающееся субъективное правосознание»¹⁴. Субъективное правосознание, направляемое непосредственными «потребностями текущей жизни», обуславливает «жизненное значение и дальнейшее развитие самого положительного права»¹⁵.

Таким образом, правосознание предстает одновременно и как внутренний (психологический) источник происхождения права, и как основа для выстраивания субъективного отношения к действующим нормам, и как фактор развития права. Понятие правосознания позволяет описывать право в качестве социокультурного явления, несводимого к государственным законам. Симптоматично, что Г. Ф. Шершеневич, последовательный сторонник юридического позитивизма, видевший в праве, главным образом, продукт государственной воли, практически не использует это понятие. В его работах присутствует внешне похожий по смыслу термин, описывающий психологический аспект поведения субъектов права, – «чувство законности». Шершеневич определяет его как «побуждение соблюдать установленные законы... не соотносясь с конкретными условиями их применения», которое вырабатывается в индивиде «в силу усвоенной им привычки следовать законным

⁸ Иеринг Р. фон. Борьба за право / пер. П. П. Волкова. М., 1874. С. 38.

⁹ См.: Иеринг Р. фон. Цель в праве. Первый том. СПб., 1881. С. 275.

¹⁰ См.: Там же. С. VI.

¹¹ См.: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М., 2018. С. 271.

¹² Там же. С. 337.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 328.

предписаниям»¹⁶. По его словам, «отступление или только мысль отступить от привычного, твердо усвоенного соблюдения норм права производит неприятное душевное состояние, вполне аналогичное угрызению совести»¹⁷. Очевидно, что формируемое чисто механически, путем систематического воспроизведения определенного поведения, а также обусловленное влиянием общественной среды, «чувство законности» не может быть самостоятельным фактором образования права. Однако, по мнению правоведа, оно служит лучшей гарантией правового порядка.

К началу XX в. понятие правосознания получает широкое распространение. При этом используется оно обычно без специальных пояснений относительно его значения, которое предполагается очевидным. В этом отношении показателен пример книги П. И. Новгородцева «Введение в философию права. Кризис современного правосознания». В этой работе автор прослеживает предпосылки упадка правосознания на уровне «новейшей эволюции правовых идей», называя симптомами кризиса «современные сомнения в значении права»¹⁸. При этом, несмотря на то, что значение слова «правосознание» явно берется здесь в ограниченном аспекте «теоретико-правовой мысли», Новгородцев нигде не оговаривает эти терминологические вопросы. Популярность термина сочеталась с его семантической размытостью.

На качественно новый уровень исследование психологических оснований права в России выходит с появлением работы Л. И. Петражицкого «Теория права и государства в связи с теорией нравственности». Следует отметить, что сам по себе термин «правосознание» не играет по-настоящему значимой роли в рассуждениях правоведа. Он нигде специально не поясняется и почти всегда употребляется в общем значении, охватывающем психологическую сторону поведения субъектов в правовой сфере. На первый план выходят специальные понятия правовой психологии Петражицкого – «императивно-атрибутивные эмоции», «интуитивное право» и т.п. В его понимании, право и нравственность суть явления *индивидуальной* психики: особого рода этические эмоции, побуждающие индивида к определенному поведению. При этом «объективно существующие» нормы, требования которых якобы «связывают» человека, Петражицкий называет продуктами «эмоциональной проекции»¹⁹. Можно сказать, что в его концепции правосознание, а точ-

¹⁶ Шершеневич Г. Ф. О чувстве законности: публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. // Шершеневич Г. Ф. Избранное. М., 2016. С. 454.

¹⁷ Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. М., 2016. Т. 4, включая Общую теорию права. С. 258.

¹⁸ См.: Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1996. С. 8.

¹⁹ См.: Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 ч. М., 2017. Ч. 1. С. 42.

нее – правовая психика индивидов, практически полностью покрывает все основные правовые явления.

Неудивительно, что теория Петражицкого, критикуемая за «субъективизм» в понимании права, практически не получила развития в чистом виде. С другой стороны, влияние его идей было значительным: у целого ряда исследователей права начала прошлого века мы встречаем рассмотрение права с точки зрения его «психической природы»²⁰. Достаточно подробно разбирает воззрения Петражицкого Н. Н. Алексеев, «феноменологическая» концепция которого была во многом созвучна психологической теории. Ключевым моментом в его описании структуры права является указание на особое «интеллектуальное» общение, которое субъект устанавливает с «обнаруживающимися в праве» ценностями, обозначаемое Алексеевым как «признание»²¹. Что же касается таких терминов, как «правосознание», «правовое чувство», «правовой разум», то под ними он подразумевает «непроизвольно установившиеся состояния», которые могут выступать в качестве нормативных фактов или источников права. Все эти явления Алексеев объединяет под общим наименованием «этоса»²². В качестве фактов, имеющих место во времени, этос может объективно нести в себе «внутренний смысл», а именно – обязывать к определенным действиям²³.

Из всех работ первой четверти XX в., где затрагиваются вопросы правосознания, выделяется книга И. А. Ильина «О сущности правосознания». Написана она была в 1919 г., хотя опубликована лишь в 50-е гг. Идеи влияния, которые отразились в этой работе, весьма многообразны. Прежде всего, это гегелевская теория права как объективного духа, кроме того – учение Иеринга о «борьбе за право», а также – понятийный аппарат и методы феноменологии. Можно сказать, что в книге Ильина получили развитие все основные аспекты понятия правосознания, которые так или иначе присутствовали в отечественной правовой теории и которые он переосмыслил в духе своей религиозной философии.

В первой главе книги, совпадающей по содержанию с публичной речью, которую философ прочитал в 1923 г. в Берлине на открытии Русского научного института, он обозначает проблему кризиса правосознания, связанную с общим духовным кризисом современной цивилизации. Употребляя, подобно Иерингу²⁴, выражения «здоровое» или «больное» правосознание, Ильин настаивает на невозможности его «излечения» без общего духовного преображения индивида.

²⁰ См., напр.: Кистяковский Б. А. Избранное : в 2-х ч. М., 2010. Ч. 1. С. 314.

²¹ См.: Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1998. С. 69, 72.

²² См.: Там же. С. 147–148.

²³ См.: Там же. С. 144.

²⁴ См.: *Birr Josefa*. Ihering's concept of rechtsgefühl and its role in The struggle for law // Transformacje Prawa Prywatnego. 2017. No. 4. P. 10.

Если же говорить о чисто теоретической стороне его концепции правосознания, то последнее характеризуется как то, что лежит в основе всякого положительного права²⁵. Ильин определяет его как «особого рода инстинктивное правочувствие, в котором человек утверждает свою собственную духовность и признает духовность других людей»²⁶. Акт, в котором субъекту раскрывается основная идея права, он описывает в феноменологическом ключе: по его словам, «единая и объективная правота» в отношении человека к человеку познается только «через внутренний опыт, через подлинное, предметное испытание и раскрытие естественного права»²⁷. Причем Ильин призывает разграничивать «основную сущность права», идею права, данную «в опыте систематически очищенного правосознания»²⁸, и историческое осуществление права, которое «не определяет его нормального строения»²⁹.

«Неидеальность» исторических форм права, с одной стороны, предполагает необходимость «лояльной борьбы за право», за воплощение идеала в правотворчестве, а с другой стороны, – необходимость «принятия», «творческого преобразования» или «преодоления» положительного права. По Ильину, «преодолеть положительное право значит наполнить его самозаконно живущим, нормальным правосознанием и тем сделать его как бы несущественным»³⁰.

Нетрудно заметить, что в данном случае философ видит основную задачу «здорового правосознания» в поддержании лояльного отношения к действующему праву. В этом дает о себе знать не только влияние Гегеля, но и непосредственный опыт переживания крушения правопорядка в ходе революции. Тем не менее Ильин не порывает с либеральной концепцией «борьбы за право». Он пишет, что если конфликт между естественным и положительным правом не поддается разрешению, «субъект, направляемый своим правосознанием к цели права, утверждает за собою другие полномочия, обязанности и запретности, чем те, которые ему принадлежат в данный момент на основании норм действующего положительного права, и, далее, признав их за собою, он приступает к их непосредственному осуществлению»³¹. Более того, философ допускал, что в определенных обстоятельствах субъект, борющийся за право, может быть вынужден отказаться от лояльной борьбы за естественное право и вступить на путь, «выводящий деяния человека за пре-

²⁵ См.: Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. М., 1994. Т. 4. С. 155.

²⁶ Там же. С. 231.

²⁷ Там же. С. 157.

²⁸ Там же. С. 191.

²⁹ Там же. С. 189.

³⁰ Там же. С. 202.

³¹ Там же. С. 215.

дела положительного права»³², вплоть до – при соблюдении целого ряда условий – прямого нарушения *отдельных* норм положительного права³³.

Думается, не будет ошибкой сказать, что импульсом в 10–20-е гг. прошлого века, вдохнувшим новую жизнь и новые смыслы в понятие правосознания, помимо чисто теоретических движений, связанных с развитием психологических и феноменологических концепций, стали революционные события в России и Европе. Именно с ними связано то, что в юридической теории со всей остротой был поставлен вопрос о правосознании как о непосредственном источнике права в условиях радикальной ломки существующих общественных отношений.

В этом плане, конечно, наибольший интерес представляют работы советских правоведов-марксистов, написанные в первое десятилетие после революции. Именно в этих работах, еще далеких от догматизма позднейших периодов, сформировавшийся до Революции философско-правовой дискурс, с его понятийным аппаратом и проблематикой, был переосмыслен в новом социально-политическом контексте. Проблемы правовой психологии, в частности, стали объектом размышлений последователя Петражицкого – М. А. Рейснера. Подобно Петражицкому, он также использует понятие интуитивного права для обозначения этических переживаний субъектов, в которых формируется их отношение к своему и чужому поведению, а также к социальным порядкам. Тем не менее в духе марксистской теории он отождествляет интуитивное право с идеологией, отражающей существующие производственные отношения. В этом значении понятие интуитивного права задействуется Рейснером для описания революции как столкновения правосознания разных классов. В этой борьбе интуитивное право угнетенного класса становится источником выдвигаемых им политических требований: «Под покровом существующего традиционного права рождается интуитивное, порою долго растет в бессознательной тиши, наконец, как существующее действующее реальное право, определяющее психику данного класса, приходит в столкновение с правом позитивным»³⁴. Правовая идеология, таким образом, выступает своеобразной движущей силой историко-политического процесса: «Как интуитивное право, она дает выражение великой борьбе угнетенных за новую жизнь и порядок; как право законное, она служит основой сознательного компромисса победителей и побежденных»³⁵.

³² Там же. С. 218.

³³ См.: Там же. С. 219.

³⁴ Рейснер М. А. Теория Л. И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология. СПб., 1908. С. 159.

³⁵ Там же. С. 161.

В связи с этим вполне закономерным выглядит то, что в Декрете о суде от 5 декабря (22 ноября) 1917 г. понятие «революционного правосознания» используется в качестве обозначения если не непосредственного источника права, то, по крайней мере, – достаточного основания для суждения о применимости или неприменимости правовых норм: «Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»³⁶. Однако видный марксистский теоретик права, а также один из авторов упомянутого Декрета, П. И. Стучка, считал ссылку на «правосознание» в его тексте мерой вынужденной. Он пишет, что с принятием Декрета победило не революционное понимание права, а «фикция “интуитивного” права Петражицкого»³⁷. Так и Е. Б. Пашуканис пишет, что в данном случае «мера политически правильная и революционная обосновывалась с помощью теории, которую нельзя назвать ни правильной, ни марксистской»³⁸.

Дело в том, что правосознание, или интуитивное право, в понимании марксистских правоведов, в качестве надстроечного явления не может иметь самостоятельного значения, всецело определяясь характером экономического базиса. Так, Стучка выделяет три формы правового отношения: из них первая (конкретная) совпадает с экономическим отношением, а две другие (абстрактные) – это форма, провозглашаемая в законе, а также – «интуитивная форма». Последнюю Стучка определяет как «внутреннее психическое “переживание”, которое по поводу того или иного общественного отношения происходит в голове человека, оценка его с точки зрения “справедливости”, “внутреннего правосознания”, “естественного права” и т.д., другими словами – идеология»³⁹. Поскольку же идеология – это «ложное» сознание, не знающее об истинных побудительных силах, которые приводят его в движение, только с верным пониманием последних правосознание может сблизиться с конкретной формой отношения⁴⁰.

Отсюда видно, что революционное преобразование суда и позитивного права, с точки зрения марксистской теории, не может опираться только лишь на правосознание судей (которое, по словам Стучки, в боль-

³⁶ Декрет Совета Народных Комиссаров (О суде). URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (дата обращения: 05.12.2024).

³⁷ Стучка П. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве. М., 1924. С. 86–87.

³⁸ Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм : избранные произведения. СПб., 2024. С. 152.

³⁹ Стучка П. Указ. соч. С. 56.

⁴⁰ См.: Там же. С. 63.

шинстве случаев не было ни сознанием коммунистов, ни сознанием рабочих⁴¹), но должно стать непосредственным отражением победы новых общественных отношений и факта установления господства победившего класса. Поэтому Стучка и пишет, что только «признак классового господства и интереса» позволил «обезвредить» буржуазное понятие правосознания, «которое таким путем получило совершенно обратное, конкретное значение»⁴².

Таким образом, рассмотрев практику использования понятия правосознания в российском правовом дискурсе последней трети XIX – первой трети XX в., мы можем отметить, что, несмотря на отсутствие единообразного подхода к интерпретации данного термина, в этот период он получил достаточно широкое распространение. Более того, в теоретико-правовом дискурсе сформировалась относительно устойчивая предметная область, а именно – психологическое измерение правовых явлений, которое постепенно приобретало все большую значимость для осмысления права как такового.

Следует при этом еще раз отметить семантическую размытость понятия правосознания. В зависимости от контекста оно могло обозначать индивидуальное или коллективное сознание, рациональное (теоретическое) мышление или неосознанное чувство, восприятие объективных ценностей или субъективные «фантазмы». При этом параллельно с понятием правосознания (или вместо него) могли использоваться другие, смежные понятия, такие как «императивно-атрибутивные эмоции», «правовое чувство», «этос», «правовая интуиция» и др. По-видимому, именно подобная неопределенность сообщала понятию гибкость, обеспечившую ему широкое распространение: оно, скорее, очерчивало некое пространство, в котором могли фиксироваться явления, нежели указывало на определенные феномены.

Важной функцией понятия правосознания было то, что с его помощью устанавливалась связь права с культурой, потребностями членов общества, их мировоззрением, психологическими установками, интересами социальных групп. В результате право представляло конкретно-историческим социальным явлением, а его субъекты – не просто абстрактными носителями прав и обязанностей, а «живыми», мыслящими и чувствующими субъектами, наделенными определенными культурными характеристиками.

В правовом дискурсе данного периода правосознание представляло действенным фактором правообразования. Оно обозначало активную позицию индивидуальной психики (или общественного сознания) по отношению к праву. Правосознание рассматривалось в качестве источ-

⁴¹ См.: Там же. С. 98.

⁴² Там же. С. 87.

ника права, основания для «принятия» требований позитивного права субъектами, для корректировки их содержания в реальных правоотношениях, в процессе применения права, в ходе «борьбы за право». Причем идеологический спектр дискурса, в рамках которого задействовало понятие правосознания, варьировался от либерального («зрелое правосознание» как основа для «лояльной борьбы за лучшее право») до революционного (классовое правосознание, интуитивное право борющегося за власть класса). Отметим также, что именно в марксистской интерпретации правосознание, приобретая на какое-то время статус признанного источника права, было сведено к классовой идеологии, т.е. к простому отражению производственных отношений. Отчасти по этой причине, а также ввиду возобладания в 30-е гг. этатистского взгляда на право роль понятия правосознания в отечественном правовом дискурсе будет постепенно снижаться. Из «источника» права правосознание постепенно превратилось в «отражение» действующего позитивного права.

Библиографический список

- Алексеев Н. Н. Основы философии права / Н. Н. Алексеев. – СПб. : Юридический институт, 1998. – 216 с.
- Иеринг Р. фон. Борьба за право / Р. фон. Иеринг ; пер. П. П. Волкова. – М., 1874. – 77 с.
- Иеринг Р. фон. Цель в праве. Первый том / Р. фон. Иеринг. – СПб. : Издание Н. В. Муравьева, 1881. – 412 с.
- Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. – М. : Русская книга, 1994. – Т. 4. – 624 с.
- Квадратура смысла : французская школа анализа дискурса. – М. : Прогресс, 1999. – 416 с.
- Кистяковский Б. А. Избранное : в 2-х ч. / Б. А. Кистяковский. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2010. – Ч. 1. – 656 с.
- Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 422 с.
- Муромцев С. А. Определение и основное разделение права / С. А. Муромцев. – СПб. : Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2004. – 224 с.
- Немецкая историческая школа права. – Челябинск : Социум, 2010. – 528 с.
- Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / П. И. Новгородцев. – М. : Наука, 1996. – 269 с.
- Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм : избранные произведения / Е. Б. Пашуканис. – СПб. : Алеф-Пресс, 2024. – 221 с.
- Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2-х ч. / Л. И. Петражицкий. – М. : Издательство Юрайт, 2017. – Ч. 1. – 295 с.
- Рейснер М. А. Теория Л. И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология / М. А. Рейснер. – СПб., 1908. – 240 с.

- Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права / Ф. К. фон Савиньи. – М. : Статут, 2011. – Т. 1. – 510 с.
- Стучка П. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве / П. Стучка. – М. : Издательство Коммунистической Академии, 1924. – 141 с.
- Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2012. – 416 с.
- Шершеневич Г. Ф. Избранное / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Статут, 2016. – 496 с.
- Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Статут, 2016. – Т. 4, включая Общую теорию права. – 752 с.
- Birr Josefa. Jhering's concept of rechtsgefühl and its role in The struggle for law / Josefa Birr // Transformacje Prawa Prywatnego. – 2017. – No. 4. – Pp. 5–16.

References

- Alekseev N. N. Fundamentals of the philosophy of law / N. N. Alekseev. – St. Petersburg : Law Institute, 1998. – 216 p.
- Foucault M. Archeology of knowledge / M. Foucault. – St. Petersburg : PC "Humanitarian Academy", 2012. – 416 p.
- German Historical School of Law. – Chelyabinsk : Socium Publ., 2010. – 528 p.
- Ilyin I. A. Collected works : in 10 vol. / I. A. Ilyin. – Moscow : Russkaya kniga, 1994. – Vol. 4. – 624 p.
- Jhering Rudolf von. The Purpose in Law. The first volume / Rudolf von Jhering. – St. Petersburg : Edition by N. V. Muravyov, 1881. – 412 p.
- Jhering Rudolf von. The Struggle for Law / Rudolf von Jhering ; translation by P. P. Volkov. – Moscow, 1874. – 77 p.
- Kistiakovskiy B. A. Selected works : in 2 parts / B. A. Kistiakovskiy. – Moscow : Russian Political Encyclopedia, 2010. – Part 1. – 656 p.
- Korkunov N. M. Lectures on the general theory of law / N. M. Korkunov. – Moscow : Yurayt Publishing House, 2018. – 422 p.
- Muromtsev S. A. Definition and basic division of law / S. A. Muromtsev. – St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg State University, Publishing House of the Faculty of Law of St. Petersburg State University, 2004. – 224 p.
- Novgorodtsev P. I. Introduction to the philosophy of law. The crisis of modern legal consciousness / P. I. Novgorodtsev. – Moscow : Nauka, 1996. – 269 p.
- Pashukanis E. B. General theory of law and Marxism: selected works / E. B. Pashukanis. – St. Petersburg : Alef-Press, 2024. – 221 p.
- Petrzhitskiy L. I. Theory of law and the state in connection with the theory of morality : in 2 parts / L. I. Petrzhitskiy. – Moscow : Yurayt Publishing House, 2017. – Part 1. – 295 p.
- Reisner M. A. Theory of L. I. Petrzhitskiy, Marxism and social ideology / M. A. Reisner. – St. Petersburg, 1908. – 240 p.
- Savigny F. K. von. The system of modern Roman law / F. K. von Savigny. – Moscow : Statute, 2011. – Vol. 1. – 510 p.
- Shershenevich G. F. Selected works / G. F. Shershenevich. – Moscow : Statute, 2016. – 496 p.

Shershenevich G. F. Selected works : in 6 vols. / G. F. Shershenevich. – Moscow : Statute, 2016. – Vol. 4, including the General theory of law. – 752 p.

Stuchka P. The revolutionary role of law and the state. The General Doctrine of law / P. Stuchka. – Moscow : Publishing House of the Communist Academy, 1924. – 141 p.

The quadrature of meaning: the French school of discourse analysis. – Moscow : JSC IG Progress, 1999. – 416 p.

Birr Josefa. Jhering's concept of rechtsgefühl and its role in The struggle for law / Josefa Birr // Transformations of Private Law. – 2017. – No. 4. – Pp. 5–16. [In Engl.]

Для цитирования:

Жданов П. С. Понятие правосознания в ценностно-идеологическом контексте российской теории права XIX–XX веков // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 1(10). С. 96–108.

Recommended citation:

Zhdanov P. S. The concept of legal consciousness in the value-ideological context of the Russian theory of law of the XIX–XX centuries // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 1(10). Pp. 96–108.

Сведения об авторе

Жданов Павел Сергеевич – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: pavelzhdanov@bk.ru

Information about author

Zhdanov Pavel Sergeevich – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Faculty, Nizhni Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: pavelzhdanov@bk.ru